МЕЖДУНАРОДНАЯ ОНЛАЙН-КОНФЕРЕНЦИЯ «ПУШКИН ПОСЛЕ 1831 ГОДА»

10—13 декабря 2023 года состоялась международная онлайн-конференция «Пушкин после 1831 года», организованная издательством «Academic Studies Press» и посвященная 190-летию «Медного всадника».

Конференцию открыл ее организатор И. В. Немировский. Он подчеркнул, что в 1831 году произошли значительные перемены в жизни и творчестве писателя. Пушкин, ставший историографом, обрел и вскоре утратил призрачную надежду на изменение его отношений с властью. Ощущение того, что ему позволят рассказать правду о Петре I и изменить официальный взгляд на его фигуру, подкрепленное доступом в секретные архивы, сменилось реальностью строгих ограничений на работу в них. До создания «Медного всадника» работа над историей Петра была фактически прекращена. В поэме Пушкин представил совершенно неожиданную, возможно даже для себя, характеристику деятельности Петра. Неожиданной была и реакция Николая I, который после чтения «Медного всадника» пожаловал Пушкину звание камер-юнкера, — это произвело на поэта большое впечатление и способствовало прекращению личного цензорства Николая. Противостояние Пушкина и власти стало особенно явным. Для Пушкина после 1831 года большую значимость приобрела тема «самостоянья человека», которая не потеряла актуальность и в наши дни (и в разном виде отразилась во всех докладах конференции).

В первом докладе — «“Везувий зев открыл...”: источники, контексты, интерпретации» А. А. Долинин (University of Wisconsin-Madison) рассмотрел отрывок Пушкина в литературном контексте. Ученый установил возможные источники стихотворения и указал мотивные и риторические параллели к нему. Это два знаменитых письма Плиния Младшего Тациту; подробное панегирическое описание картины К. Брюллова «Последний день Помпеи», сделанное

© А. С. Лащева, 2025
DOI 10.31860/0236-2481-2025-39-286-294

П. Э. Висконти (на этот панегирик откликнулся граф Хвостов); поэма А. В. Склабовского «Помпея», переложение одноименной поэмы Т. Б. Маколея; стихотворение Д. Гей (в замужестве де Жирарден) «Последний день Помпеи»; драматические сцены Э. Легуве и стихотворение В. Гюго «К молодой Франции». Споря с трактовкой пушкинского отрывка как экфрасиса, предметом которого является картина Брюллова, Долинин обратил внимание на то, что единственное соответствие картине в тексте — это падающие статуи. Пушкин формирует собственный, во многом полемичный, поэтический образ гибнущего города.[1]

Второй доклад — «О новонайденном “неизвестном автографе А. С. Пушкина”», прочитанный Е. О. Ларионовой (ЕУ СПб, ИРЛИ РАН), поставил ряд вопросов, на которые, по мнению исследовательницы, необходимо ответить, прежде чем атрибутировать Пушкину редакторские пометы на обнаруженной в 2020 году в архиве братьев Тургеневых рукописи «Хроники русского» А. И. Тургенева и определять их как один из последних автографов Пушкина и единственное сохранившееся свидетельство его редакторской работы. По мнению докладчицы, анализ рукописи и истории публикации «Хроники русского» в «Современнике» показывает, что пометы на рукописи принадлежат А. И. Тургеневу и сделаны во второй половине февраля 1837 года. В этой рукописи Тургенев вернулся к той модели журнальной статьи, которая была выработана им в материалах для «Московского наблюдателя».

В заключающем первый день докладе И. А. Пильщикова (University of California, Los Angeles) «“Поэт-законодатель” и “суровый судия”: Пушкин, Буало, Лагарп» были прокомментированы — в споре с тезисами Томашевского — несколько эпизодов обращения Пушкина к Буало. Исследователь показал влияние Лагарпа на оценки Пушкиным Буало, высказанные в «<Отрывках из писем, мыслях и замечаниях>»; обратил внимание на случаи обращения зрелого Пушкина к сатирам Буало; указал на возможные источники заметки «О ничтожестве литературы русской», которую Б. В. Томашевский и В. Н. Топоров связывали с «Поэтическим искусством» Буало и «Лицеем» Лагарпа. Пильщиков также проследил историю формулировки «поэт-законодатель», которую в отношении Буало употребил Пушкин в поэме «Домик в Коломне».

Второй день конференции открылся минутой памяти друзей и коллег, пушкинистов М. В. Безродного и А. С. Немзера; участники выступили с воспоминаниями о них.

[1] Основанную на этом докладе статью см. в настоящем выпуске (с. 165—189).

В докладе «Пушкинский “Современник” (1836): концепция журнала» В. Ю. Проскурина (Emory University) выделила характерные черты этого издания. Анализируя вслед за М. И. Гиллельсоном и В. Э. Вацуро историю появления «Современника» и его название, исследовательница оценила его как кружковый журнал, в котором конструировалась утопическая модель отношений с властью. Рассматривая элитарный журнал как ресурс для взаимодействия с ней, авторы не позволяли себе негативных по отношению к власти высказываний, но тем не менее стремились выразить свою политическую позицию — в частности, с помощью обращения к историческим параллелям. В «Современнике» была предпринята попытка выстроить ретроспективную утопию. Значительную часть в издании занимали материалы, связанные с XVIII веком. К 1836 году Пушкин был разочарован в Петре I и в возможности напечатать его историю. Он осторожно, но последовательно смещал внимание от Петра I к Екатерине II. Ее правление стало в глазах Пушкина образцом идеальной монархии.

О. А. Проскурин (Emory University) рассмотрел один из возможных претекстов пушкинской поэмы в докладе «“Медный всадник” и русская “Энеида”: Пушкин, Вергилий и Василий Петров». В библиотеке писателя сохранилась книга «Еней» — русский перевод «Энеиды», выполненный В. П. Петровым, — которую он приобрел за полгода до начала работы над «Медным всадником». Проскурин показал ряд параллелей между текстами Петрова и Пушкина, отмечая заимствования на лексическом и мотивном уровнях. Исследователь утверждает, что русская «Энеида» оказала влияние на формирование проблематики и эстетики «Медного всадника».

В докладе «Пушкин, Радищев и наследие гражданского сентиментализма» Э. Ванг (University of Notre Dame) продемонстрировала несогласие Пушкина с позициями гражданского сентиментализма, проявившееся в статье «Александр Радищев». Рассуждения об идеях и фигуре автора «Путешествия из Москвы в Петербург» связаны для Пушкина с мыслями о его ссыльных друзьях. Говоря о Радищеве, он в то же время соотносит с наивным сентиментализмом и идеалы декабристов, подчеркивая их неспособность повлиять на развитие российской государственности. Сочувствие Пушкина судьбе ссыльных друзей не отменяет его фундаментального несогласия с их мировоззрением. Э. Ванг делает вывод, что установки гражданского сентиментализма, вдохновлявшие многих декабристов, были чужды Пушкину.

Д. Бетеа (University of Wisconsin-Madison) в докладе «Теория многоуровневого отбора, или Как биологическая эволюция становится культурной эволюцией: "Пиковая дама" и поздний Пушкин» показал многочисленные параллели между теориями литературной эволюции (термин Ю. Н. Тынянова) и эволюции биологической. Согласно теории многоуровневой селекции, компоненты живых организмов повышают свою выживаемость, получая и обрабатывая как внутриуровневую, так и внешнюю информацию. Д. Бетеа продемонстрировал функционирование аналогичного механизма в «Пиковой даме», обращая внимание на связь сюжета с особенностями повествования, посвященного вторжению бессознательного в сознательный мир. История с загадочной комбинацией карт захватывает воображение Германна, и он проецирует ее на внешний мир, упуская из виду то, что не относится к его навязчивой идее. Возникают метафорические и лингвистические соответствия между картами и окружающими Германна предметами. «Пиковая дама» не содержит разгадки фантастической истории карт, но метаструктура игры предлагает читателю мораль. Победа над судьбой с нарушением условий честной игры не является для Пушкина приемлемой стратегией. Между тем огромные траты на фаворитов Екатерины II сформировали в российском государстве культ случая — противоположность честной игры. Германн пытается обмануть жизнь; единственный персонаж, который играет в игру жизни честно, — Лиза. Психологические основы истории Германна и Лизы раскрываются через язык: значения звуков, форм, чисел, игры слов колеблются между досемантическим и семантическим; возникают варианты значений, но не их окончательные определения. Как и субклеточные частицы, подобные семантические единицы обретают контекстуальные связи в более широком мире пушкинского повествования.

Последний доклад второго дня — «Певцы гнева: Патриотизм и претензии в произведениях Пушкина, Бродского и Шевченко ("Клеветникам России", "На независимость Украины", "Кавказ")» был прочитан А. Гиллеспи (Bowdoin College). Исследовательница указала на интертекстуальную связь трех произведений: по ее утверждению, пушкинское стихотворение стало текстом, моделирующим поэтическое выражение национального недовольства по поводу вопросов расширения или уменьшения российского имперского контроля. А. Гиллеспи выделила пять ключевых мотивов, общих для этих произведений: родственная вражда; этнические оскорбления и стереотипы; акватическая метафора превосходства империи; разнообразие и широта ее географии; упоминания смерти и угрозы больших жертв в будущем. Ода Пушкина послужила предметом по-

лемики для поэмы Шевченко, в которой пушкинские мотивы критически переосмысляются, а аргументы русского поэта опровергаются. Бродский, в свою очередь, обращаясь к произведениям обоих предшественников, использует ту же систему мотивов для спора с Шевченко.

Третий день конференции открылся докладом Е. Е. Дмитриевой (ИМЛИ РАН, ИРЛИ РАН) «Пушкин, спотыкающийся о Гоголя», посвященным вопросу об отношениях писателей. Исследовательница проанализировала переклички между их текстами, взаимную критику, случаи взаимодействия, отраженные в письмах и статьях, акцентируя внимание на разного рода противоречиях и неясностях. Анализируя характер цитирования Пушкина в «Выбранных местах из переписки с друзьями», Дмитриева пришла к выводу, что поздний Гоголь экстраполирует в область пушкинского творчества собственные художественные установки 1840-х годов, связанные с идеей неразделенности художника, христианина и частного человека.

В следующем докладе — «К истории пушкинских издательских проектов: "Вастола, или Желания" Виланда в переводе Люценко» А. С. Бодрова (НИУ ВШЭ СПб, ИРЛИ РАН) размышляла о причинах публикации поэмы К. М. Виланда Пушкиным. Исследовательница дополнила традиционную интерпретацию, объясняющую публикацию «Вастолы» благородным стремлением помочь почтенному литератору Люценко, проанализировав историю этого издания, контекст других пушкинских издательских предприятий того же времени, а также некоторые детали книгоиздательской и книгопродавческой практики. В этот период Пушкин экспериментирует, осваивая разные механизмы книготорговли. По мнению А. С. Бодровой, публикацию «Вастолы» с именем издателя на титуле можно также рассмотреть как попытку Пушкина оценить, насколько его издания могут быть коммерчески успешными, попутно пробуя себя в роли литературного покровителя.

Д. М. Хитрова (Harvard University) в докладе «Путь Пушкина к повестям в прозе, или От чего ржал Баратынский?» предложила возможную трактовку строчки из письма Пушкина к Плетневу от 9 декабря 1930 года, в котором, отчитываясь о собственных творческих достижениях, Пушкин сообщает, что написал «прозою 5 повестей, от которых Баратынский ржет и бьется — и которые напечатаем также Anonyme. Под моим именем нельзя будет, ибо Булгарин заругает». Реконструируя путь Пушкина к жанру повести в прозе, исследовательница обратила внимание на контекст литературной борьбы Пушкина и Баратынского с Булгариным. Хитрова

указывает, что понимание глагола «ржет» из пушкинского письма в значении «смеется» — лингвистический анахронизм. Согласно Национальному корпусу русского языка, в таком значении слово начинает употребляться только в середине XIX века. Анализ словоупотребления Пушкина показывает, что слово «ржет» писатель употребляет почти исключительно в прямом значении — по отношению к лошади. В связи с этим Хитрова трактует фразу из письма как сообщение о намерении Баратынского, почувствовавшего полемический азарт, «ринуться в бой», обратившись, вслед за Пушкиным, к жанру повести в прозе. В ходе обсуждения О. А. Проскурин указал на возможную в этом контексте идею состязательности Баратынского с Пушкиным.

Б. М. Гаспаров (Columbia University) в докладе «1834: год Золотого петушка» предложил биографическую интерпретацию сказки, построенную на анализе имплицитного субъекта пушкинских записей в дневниках и письмах 1834 года. Исследователь указал на параллели между образами и выражениями в сказке и записях писателя. Сближение с двором открыло для Пушкина перспективу выступить в маске придворного хроникера, писатель отнесся к этому с презрением и сарказмом. Пушкин беспощадно отмечает в субъекте авторефлексии все уродливо-смешное — оно получает символическую проекцию в сказке, часто в ориентальном ключе. Пушкин примеряет к своему гротескному автопортрету маски шута, скопца-вельможи и начинающего придворную карьеру юниора. Назначение камер-юнкером, послужившее косвенной причиной осложнения отношений с женой, символически осмысляется Пушкиным как лишение мужественности. Воплотив опыт гротескной авторефлексии в поэтическую картину, Пушкин делает символический жест — сбрасывает с себя кафтан восточного вельможи-шута и отчуждается от своего произведения. «Сказка о золотом петушке» поставила точку в предприятии, начавшемся привлечением Пушкина ко двору и назначением его в придворную службу.

Заключительный доклад третьего дня «Пушкин и Мериме: Как создать мистификацию» прочел М. Вахтель (Princeton University). Исследователь поставил вопрос о том, кем был «ученый немец», упоминаемый обоими писателями как автор диссертации о сборнике «Гусли». В библиотеке Принстонского университета хранится экземпляр с дарственной надписью, адресованной, согласно описанию, Жерару де Нервалю, — по мнению М. Вахтеля, это ошибка. На внутренней стороне обложки этого экземпляра есть анонимный инскрипт, обращенный к месье Жерару (Gérard). Ученый считает, что настоящий адресат — Вильгельм Герхард (Gerhard; 1780—

1858), фамилия которого была написана неверно. Герхард перевел «Гусли» на немецкий язык, сопроводив издание объемным глоссарием. Мериме рекомендует Герхарда как авторитетного знатока фольклора и создает вокруг него легенду, которая поддерживает собственную репутацию французского писателя. Эта легенда об «ученом немце» была, предположительно, передана Пушкину устно через С. А. Соболевского. По догадке М. Вахтеля, обнаруженная в Принстонской библиотеке книга могла быть получена Герхардом в ответ на его просьбу выслать вторую часть книги.

В начале последнего дня конференции И. Ю. Виницкий (Princeton University) представил доклад «Фальшивый песнопевец: История одной поэтической ошибки Пушкина», связанный с одноименной статьей, опубликованной в прошлом выпуске настоящего издания. Ученый проанализировал причины ошибки Пушкина в адресации стихотворения «Рефутация г-на Беранжера» и рассмотрел его в контексте русской военно-патриотической песенной традиции.[2]

К. Сколлинс (University of Vermont) в докладе «Деколонизируя романтический пейзаж: модели экологического противостояния у Гёте и Пушкина» предприняла попытку рассмотреть параллели между «Медным всадником» Пушкина и второй частью «Фауста» Гёте с точки зрения экологической критики. Сколлинс указала на ряд общих для «Фауста» и «Медного всадника» политических, колониальных и экологических проблем, в основе которых лежат отношения между системами власти и сопротивления. Докладчица опиралась на предложенное Х. Салливан экокритическое прочтение «Фауста», сместившее представление об организации произведения от дихотомии «человек — природа» к модели открытых систем, подразумевающей динамическое разнонаправленное взаимодействие между личными, культурными и природными силами. Сколлинс продемонстрировала функционирование сложной системы отношений между героями «Медного всадника». По ее мнению, линии разграничения между противоборствующими сторонами (победителями, жертвами и бунтовщиками) в поэме Пушкина подвижны, поскольку между ними имеются глубокие внутренние соответствия: потусторонние силы связаны и с действиями Петра, и с природой; мечта царя разрушена, как и мечта подданного; восстание Невы подавлено, как и восстание Евгения. В системе произведения равновесие поддерживается постоянными нарушениями границ, при которых один из антагонистов периодически возвышается над другими

[2] Статья на основе этого доклада была опубликована в предыдущем выпуске «Временника Пушкинской комиссии» (СПб., 2024. Вып. 38. С. 138—190).

и занимает угрожающую позицию, что в целом оживляет динамику поэмы.

С. Евдокимова (Brown University) в докладе «Национальный поэт? Пушкинские воображаемые сообщества» рассуждала о том, в каком смысле Пушкин является национальным поэтом, сравнивая некоторые стихотворения Пушкина и Шевченко. Статус Пушкина как национального поэта своеобразен, поскольку в пушкинской России еще не было идеи нации. По мнению С. Евдокимовой, существует два типа национальных поэтов: первый ставит себе в заслугу вклад в национальный язык и литературу, второй связан с борьбой за национальное дело и независимость. Исследовательница считает, что Пушкин относится к первому типу, в его творчестве нет мессианской веры в особое предназначение России, его патриотические воззвания не перерастают в философию истории. Стихотворения «Пророк» и «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» иллюстрируют отношение Пушкина к роли национального поэта не как защитника национальной идеологии, а как поэта, чей голос имеет универсальное значение. Совсем иначе звучит «Заповіт» Тараса Шевченко, который подчеркивает гражданскую миссию поэта, националистический и политический смысл его творчества.

М. Чарчоглян (Brown University) в докладе «"Онегин жил анахоретом...": Пушкин и стоицизм в "Евгении Онегине"», анализируя круг чтения Пушкина, сделал вывод о намерении писателя критически переосмыслить учение стоической философии. По мнению ученого, наиболее последовательно результат этого переосмысления отразился в «Евгении Онегине». Герой романа изображен как неудавшийся стоик, анахорет, чьи недостатки противопоставляются подлинному стоицизму Татьяны и автора. Переезды и путешествие Онегина имеют единственную цель — избежать беспокойства. Его безразличие к происходящему лишает его способности к самоконтролю и саморефлексии. В письме к Татьяне Евгений использует стоические штампы (мысли о быстротечности времени, о надвигающейся смерти и т. п.), его маска стоика столь же условна, как роль денди или задумчивого романтического героя. Стоическое безразличие Татьяны в финале романа делает ее антиподом Онегина.

Заключительный доклад «Кому отвечал Жуковский в письме о смерти Пушкина, адресованном С. Л. Пушкину», прочитал организатор конференции И. В. Немировский (Academic Studies Press). Он показал, что Жуковский одновременно отвечает в своем письме на стихотворение Лермонтова «Смерть поэта», в известной мере определившее общественную реакцию на смерть Пушкина, и на укоры императора, который отказывал Пушкину в статусе националь-

ного поэта, отрицал его правоту в дуэльной истории и не считал, что он умер как христианин. По мнению ученого, упреки императора парадоксальным образом совпадали с тем, как описывал смерть Пушкина Лермонтов, различаясь в главном — признании за Пушкиным роли национального поэта. Для Жуковского было важно ответить не только Николаю I, но и Лермонтову: письмо должно было защитить честь жены поэта и подчеркнуть благонамеренный характер действий его друзей. В завершение доклада И. В. Немировский подчеркнул, что сразу после смерти Пушкина наметилось две линии осмысления его гибели. Одни вслед за Лермонтовым стали трактовать гибель поэта как символ протеста против сложившегося порядка вещей, другие вслед за Жуковским хотели видеть в смерти Пушкина преодоление смерти.

А. С. Лащева